

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 78 (1859)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья П. Скоробогатова, А. Ивантера «Белоруссия: предел стратегической глубины», опубликованная в журнале «Эксперт» № 35, 24–30 августа 2020 года.

Вологда
сентябрь 2020

Белоруссия: предел стратегической глубины

Зачем России план «Б» для белорусской революции

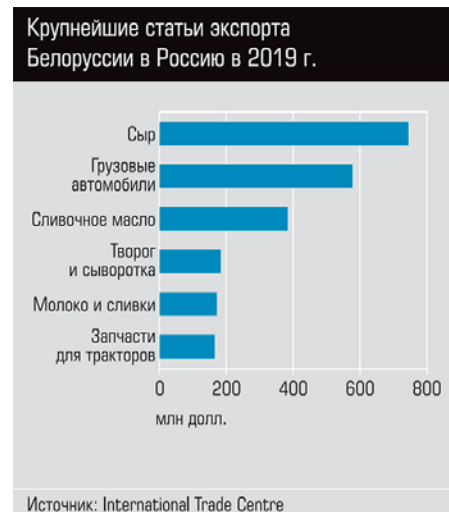
Александр Лукашенко справился с первой волной протестного цунами и сильно упрочил свои шансы остаться на какое-то время у руля белорусского государства. Вряд ли надолго: легитимность президент утратил, проведя очевидно грязные выборы и получив невероятно массовую реакцию по всей стране. Однако возникший вакуум власти никто не использовал. У митингующих на улице не появилось политической и экономической программы, сильных лидеров, а главное, идей, что предложить стране взамен Батьки. Несколько пошатнувшаяся система вновь взяла равнение на Лукашенко. Он переназначил правительство, расставив «старичков» по своим же местам, наградил силовиков за верную службу и пока не заикается о новой конституции или переговорах с оппозицией. Вновь начались аресты на улицах и точечная работа спецслужб. Активизировались и сторонники Лукашенко с провластными демонстрациями по всей стране. Первый раунд окончился едва ли не в пользу президента: последняя надежда оппозиции – на митинги 22–23 августа. Но радикализмом вежливый белорусский бунт не отличался ни минуты. А с чистыми руками, воздушными шариками и старыми песнями власть не захватывают.

10 крупнейших внешнеторговых партнеров Беларуси в 2019 г.

Если, конечно, в дело не вступают внутренняя элита и внешние интересанты. И тут удивительным образом не случилось. Об идеологических партиях внутри белорусской власти мы

можем только догадываться, хотя Лукашенко так часто перетряхивает властный олимп, что вряд ли там успевают складываться крепкие союзы. Силовики президента не сдали, а он на них не отыгрался за три дня уличного насилия после выборов со стороны ОМОНа и милиции. В правительстве, кстати, заметен уклон в сторону выходцев из КГБ. Премьер **Роман Головченко**, сменивший либерального **Сергея Румаса**, долгое время возглавлял Госкомвоенпром и считается доверенным лицом правящей семьи. Может, силовой профиль кабинета и напугает иностранных инвесторов, но он позволил Лукашенко устоять. Другие элитные круги бунтовать не решились, дипкорпус и регионы отсиделись, директора заводов отмолчались. А олигархи в стране давно перевелись. Прозорливо.

Крупнейшие статьи экспорта Беларуси в Россию в 2019 г.

Сохранил свою должность и глава МИД Владимир Макей. Он вроде бы считается предводителем прозападной партии белорусской элиты. И первым делом «поблагодарил американскую сторону за неизменную поддержку суверенитета и независимости Республики Беларусь». Коллективный Запад действительно вяло выступил против «последнего диктатора Европы». Штаты увлечены внутривнутриполитической борьбой. Экономические санкции против Беларуси не введены. Персональные санкции зависли. Евросоюз не признал результаты белорусских выборов и объявлять **Светлану Тихановскую** их победителем отказался.

Крупнейшие статьи импорта Белоруссии из России в 2019 г.

В том же духе высказалась и Литва. «Беларусь должна самостоятельно обрести свой путь, это должно произойти посредством диалога внутри страны, вмешательства извне быть не должно», – заявила **Ангела Меркель**. «Евросоюз не хотел бы, чтобы в Беларуси повторился украинский сценарий», – заметил **Эммануэль Макрон**. Консолидированного политического давления не получилось, поэтому в ход вступили гибридные методы того самого вмешательства извне.

Европейская комиссия выделит Беларуси 53 млн евро. Из них миллион получат «свободные СМИ и гражданское общество», а два миллиона – «жертвы репрессий и насилия». Один из кандидатов в президенты **Валерий Цепкало** транзитом через Россию и Украину приехал в Польшу, где встретился с министром иностранных дел Польши **Яцеком Чапутовичем** и пытается организовать польско-американский фонд для помощи забастовкам. Протест во многом держится на стачках рабочих белорусских предприятий, и уже скоро им понадобится финансовое обоснование своих акций. Чапутович, к слову, уже отправлен в отставку, так что перспектива этого предприятия туманна. Одновременно западные специалисты принялись формировать образ национального оппозиционного лидера из Светланы Тихановской. Та организовала Координационный совет оппозиции, в состав которого вошли интеллектуалы и мыслители с явно прозападной, националистической и русофобской позициями во главе с нобелевским лауреатом **Светланой Алексиевич**. Одна эта фамилия говорит о многом. Появилась так называемая

идеологическая платформа оппозиции «Реанимационный пакет реформ» – ультралиберальная и антироссийская программа развала страны. Координационный совет потребовал встречи с представителями силовых структур Беларуси, и силовики немедленно завели уголовное дело по факту угрозы национальной безопасности и захвата власти. В ответ несколько членов совета покинули его состав.

Наконец, с Тихановской встретился французский «философ» **Бернар Анри-Леву**, эксперт по развалу государств и войнам в Югославии, Ливии, Грузии, Украине. Шаг за шагом оппоненты Лукашенко уничтожали свой авторитет в глазах белорусов и укрепляли позиции президента. Белорусская революция из мирного, по сути, протеста за права и свободы против действующего президента начала превращаться в затяжной гражданский конфликт без ясных целей и перспектив с примесью внешнеполитического гибридного вмешательства.

Два пути для Минска

Белорусы – сторонники интеграции с Россией есть во всех возрастных категориях

Белорусские протесты уже успели сравнить со всеми революциями последних десятилетий – от позднесоветских восстаний в странах Варшавского договора до Египта, Болотной и Майдана. Однако заповедник социалистического госкапитализма, скорее, идет в ногу с современными революционными явлениями. Технологически действия оппозиционных масс вобрали опыт гонконгских восстаний: сетевой безлидерской координации через мессенджеры и анонимные телеграм-каналы с поддержкой из

Польши, выбор рассеянных локаций протеста, яркой медийный пиар. В то же время белорусский протест страдает от идеологической пустоты, свойственной всем выступлениям последних лет в разных частях света. Чего стоит одно движение «желтых жилетов» во Франции, многомесячное, многочисленное, до сих пор популярное. «Жилеты» могут четко описать, с чем они не согласны, но так и не сформулировали, что же они предлагают взамен. В итоге Макрон сидит в Елисейском дворце, а народ бесцельно бодается с полицией. И так повсеместно. Недовольство сложившимся статус-кво не приводит к падению элит: у них просто нет оппонентов с альтернативным видением мира. Все это в полной мере можно сказать о Беларуси, народ которой, к удивлению многих, в целом пока демонстрирует достойный уровень политической зрелости.

Россиян интересует экономическая, а не политическая интеграция с Беларуссией

Белорусские волнения – это еще и про политическую трансформацию нашего родного постсоветского пространства, растянувшуюся на три десятка лет. Слабое, бедное, несамостоятельное общество евразийских государств очень долго отдавало власть на уровень межэлитных разборок, а затем послушно следовало за технологами «цветных революций», вырывающих союзников из российской зоны влияния. Но в 2018 году мы, пожалуй, впервые увидели доморощенную революцию в Армении, вызванную исключительно внутренними причинами. Москва не стала вмешиваться и получила премьер-министра **Никола Пашиняна**, куда более самостоятельного и многовекторного, чем все его предшественники. В

то же время Ереван не ушел из зоны партнерства с Россией – это обусловлено тесными экономическими связями и проблемой Нагорного Карабаха. Хотел бы Запад привязать Армению к своей разрушительной политике на постсоветском пространстве? Нет сомнений, и он работает в этом направлении. Но уже тогда, несколько лет назад, стало очевидно: ни у США, ни у ЕС больше нет экономического и политического потенциала для организации больших геополитических проектов. Мир погрузился в эпоху интриг, мелких провокаций и больших многосторонних сделок. В этом смысле показательна история прошлого года в Молдавии, где Россия, Европа и США общими усилиями скинули олигарха **Влада Плахотнюка**, превращающего страну в криминальную дыру. Невероятный уровень сотрудничества. Но союз был ситуативный и быстро распался, ничего позитивного для Молдавии сделать не удалось. Но что если это прообраз решения и других кризисных историй в многополярном мире?

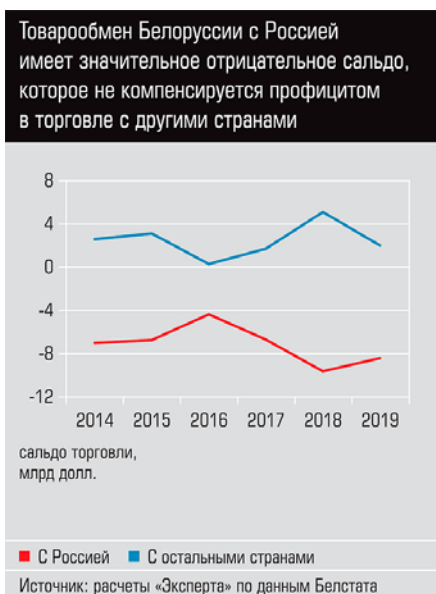

Дефицит текущего счета платежного баланса Беларуссии после 2013 г. значительно сократился

В мире, где на фоне проблем глобальных империй начинают поднимать голову новые старые региональные лидеры вроде Ирана, Турции, Польши, Индии. В контексте белорусской проблемы мы очевидно видим попытки Варшавы перейти к расширению геополитического влияния на восток и формированию восточноевропейской дуги от Турции через Варшаву,

Минск и Киев к странам Балтии под политическим патронатом из Вашингтона.

Такой подрывной союз в центре Евразии, конечно, противоречит интересам как России, так и стран Центральной Европы. Поэтому неудивительно, что Москва, Париж и Берлин в конечном счете достигли взаимопонимания по вопросу урегулирования белорусской проблемы, а Александр Лукашенко вновь оседлал свой любимый многовекторный конек внешней политики, лавируя между зонами влияния и время от времени апеллируя еще к одному теневому участнику – Китаю. Пекин активно инвестирует в Беларусь, выдает многомиллиардные связанные кредиты и активно торгует: КНР вышла на третье место после России и Украины в списке торговых партнеров Беларуси. Но это опосредованное влияние. Китай верен своей внешнеполитической тактике: он покупает страны, а не свергает элиты. Для самой Беларуси китайский вектор пока не является альтернативой.

Товарообмен Белоруссии с Россией имеет значительное отрицательное сальдо, которое не компенсируется профицитом в торговле с другими странами

Собственно, с геополитической точки зрения у Минска два варианта: либо двигаться по пути интеграции с Россией в рамках Союзного государства, либо встраиваться в польский националистический проект на позициях государства второго сорта. Субъектность белорусской политики – это миф, а многовекторность Лукашенко была возможна только при покровительстве и нерациональной благотворительности России.

А что Россия?

Нас страшали вводом танков под Брест и Гродно, но Россия в белорусском кризисе заняла аккуратную умеренную позицию, которая сегодня кажется оптимальной. Москва появлялась разве что в истеричных заявлениях Лукашенко: он сначала обвинял русских в намерении расшатать режим с помощью бойцов ЧВК (клянул на украинскую провокацию). А затем в разгар митингов регулярно звонил **Владимиру Путину** и намекал на готовность российского партнера силой разрешить конфликт с оппозицией. Кремль в итоге увел разрешение проблемы в дипломатическую плоскость, и это сработало. Но проблема осталась: страной по-прежнему управляет нелегитимный президент с мизерными шансами на переизбрание, который убежден в эффективности своей внутренней и внешней политики. Для России – еще и упрямый переговорщик. В перспективе это чревато перехватом власти враждебными нашей стране силами. Поэтому многие убеждены, что глубокая интеграция в рамках Союзного государства – это единственный шанс переломить кризис в свою пользу. Тем более что все документы и «дорожные карты» этого проекта давно созданы и ждут только политического решения из Минска. Но есть ли будущее у этой затеи?

Внешняя долговая нагрузка Белоруссии в последние четыре года несколько снизилась, но остается вдвое более высокой в сравнении с Россией

В свое время противники быстрой и победоносной войны в Украине с территории Донбасса приводили весьма убедительный довод: россий-

ские войска могли бы стремительно дойти до Киева, но в ответ получили бы массовую партизанскую борьбу. Согласно исследованиям, обычно пассивное украинское население восприняло бы экспансию русских как оккупацию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Резонно провести параллели: как бы отреагировала «колыбель» партизанского движения Беларусь на финт с Союзным государством?

Беларусь остается братской республикой во всех смыслах – русские здесь родной народ, да и сами белорусы нет-нет да и называют себя русскими. Из девяти с половиной миллионов человек практически все говорят по-русски, несмотря на очень медленно ползущую «белорусификацию» бюрократии и обучения. Тем не менее на всем пространстве СНГ это единственное государство, где русский язык тотально не притесняют, отмечают советские праздники, где нет попыток реабилитации коллаборантов, стремления в НАТО и за «трусиками» в ЕС. Националисты получают ничтожные проценты на выборах, в том числе по данным независимых наблюдателей. Русофобская риторика не в чести, разве что в речи президента, что воспринимается как клоунада. Конечно, популярна карта поляка, цветет приграничная торговля с Балтией и Польшей. Белоруссия лидирует в мире по количеству шенгенских виз на душу населения. Молодежь активно ездит учиться и работать в Восточную Европу. Но все это обусловлено экономическими причинами. Есть ощущение, что белорусское общество согласно с многовекторными устремлениями президента в том смысле, что желает партнерских отношений со всеми соседями, но не хочет терять суверенитет. Хотя и понимает всю зависимость от российского рынка и культурного пространства.

С Союзным государством сложнее. Об отношении к нему рассказывают разные исследования, но тут все дело в постановке вопроса о глубине интеграции и доверии источнику. Например, Институт социологии НАН Белоруссии насчитал лишь 7,7% сторонников вхождения Белоруссии в состав России. А вот свежий и весьма репрезентативный опрос в ноябре 2019 года, сделанный по заказу Центра пространственного анализа международных отношений

Института международных исследований МГИМО МИД России: семь тысяч звонков и 500 анкет с контролируемой равной выборкой по всем белорусским регионам и половозрастной структуре. Лишь каждый десятый респондент выступил за нейтральную позицию Беларуси по отношению к России. 32% высказались за партнерские, равноправные отношения. 57,6% – за союзнические отношения в рамках единого государства. Интересно, что показатели не зависят от возраста и пола, востока и запада страны. Но Минск принципиально отличается от позиции других частей государства практически по всем вопросам. В частности, в столице заметно хуже относятся к союзной интеграции с Россией.

В наших разговорах как раз с жителями Минска те отмечали, что в первую очередь не понимают и не видят плюсов от глубокой интеграции ни в рамках Союзного государства, ни в «Таежном союзе» (так местные обозначают Таможенный союз). И более того, опасаются, что все выгоды от такой интеграции получит «старший брат» – так регулярно говорит и сам Лукашенко. В принципе, прояснить такие плюсы – это задача хорошей пиар-кампании. Другой вопрос, что самые «сливки» интеграции уже были сняты за минувшие годы, и белорусы воспринимают свои бонусы как должное.

«Россия предоставила гражданам Белоруссии равенство прав в ключевых социальных областях, – говорит **Модест Колеров**, главный редактор портала Regnum. – Была создана единая система образования, единая система труда, единая миграционная система. Все это приравняло абсолютное большинство социальных потребностей граждан Белоруссии к правилам, свободам, правам, которыми пользуются граждане России. Они приезжают учиться, лечиться, работать, всегда ссылаясь на правила Союзного государства. Но эти права и свободы Россия никак политически не операционализировала, не управляла ими, фактически бесплатно для Белоруссии предоставив такие блага. И теперь уже апеллировать к ним не удастся. Люди привыкли жить в этой социальной реальности. Они считают это справедливым. И мы все с вами считаем это справедливым для братского белорусского

народа. А политического инструмента из этого сделать нельзя».

У нас вообще плохо с политическими инструментами на постсоветском пространстве, как с институциональными и межгосударственными, так и с компонентами мягкой силы (это в очередной раз ярко высветилось в Беларуси, где, как оказалось, у России и представителей в гражданском обществе нет). Вся евразийская политика у нас фрагментирована на сектора и уровни вместо цельной концепции развития. Есть верхний уровень личных отношений глав государств, доверительный и очень важный для Владимира Путина. Есть межведомственный бюрократический бумагооборот. На уровне министерств ведется диалог с позиции не столько национальных, сколько отраслевых, ведомственных интересов.

Есть уровень корпоративных связей, на котором решаются в первую очередь вопросы инвестиций, ресурсных взаимоотношений, транзита нефтегаза. Здесь большие деньги, значительные интересы и гигантская коррупция. Конечно, интриги и скандалы, которые время от времени трясут и верхний уровень взаимоотношений. Пожалуй, корпоративные интересы определяют отношения с рядом стран на постсоветском пространстве даже в большей степени, чем МИД, который все больше про глобальную политику, отношения с Западом и третьим миром. Этим объясняется кажущаяся непоследовательность в громких заявлениях Лукашенко в отношении России: он активно участвует не только в диалоге с Путиным, но и в многочисленных корпоративных войнах. Беларусь, как и Украина, – определяющая территория для транзита углеводородов в Европу, здесь сосредоточены интересы влиятельных ресурсников. К слову, подобные корпоративные игры немало поспособствовали развалу отношений с Украиной.

Такой подход приводит к эрозии евразийского интеграционного проекта, а также вызывает обвинения в непрагматичном отношении России к своим соседям: просто выгоды от дотаций и льгот нашим союзникам получает корпоративный сектор, а не государство. А сам проект лишен идеологически привлекательного образа, тем более что своей идеологии нет и у русского ядра.

Пожалуй, сегодня отношения России с соседями самые неоднозначные за всю постсоветскую историю. С одной стороны, медленно, но все же продвигается интеграция в рамках ЕАЭС, формируется общий рынок товаров, услуг, инвестиций, синхронизируются законодательство и тарифная политика. С другой стороны, на межгосударственном уровне особого сближения не видно. В Средней Азии растет китайское доминирование. Грузия ушла из российской зоны влияния. Напряженная ситуация в отношениях Армении и Азербайджана, провоцирующая политическое дистанцирование обоих партнеров от Москвы. Надолго потеряна Украина.

И вот политический кризис в Беларуси. Он был вполне ожидаем, поэтому резонно надеяться, что у России есть план «Б», помимо сохранения власти Лукашенко. Продвижение глубокой интеграции в рамках Союзного государства сегодня выглядит поспешным решением – для начала следует сбить революционный пар белорусов и подготовить общественное мнение, объяснив плюсы для «младшего брата». Возможно, хорошей идеей станет проект конституционной реформы, в ходе которой будет обновлен фундамент самого белорусского проекта и найден устраивающий Россию элитный срез. Тогда можно перевести отношения из плоскости личной поддержки Александра Лукашенко в прагматичное сотрудничество на основе взаимных экономических интересов и общего культурного пространства, убрав или хотя бы подчинив единой программе интересы российских корпораций.

Это консервативный сценарий, для которого нужно время. Но в то же время надо готовить и радикальный план разрешения проблемы при обрушении белорусской конструкции власти и вмешательстве внешних игроков. Потеря Беларуси может оказаться критическим фактором для сохранения геополитической, военной и экономической безопасности России.

Стратегическая глубина

Большинство россиян прохладно относится к идее глубокой интеграции с Беларусью, определил «Левада-центр» в начале 2020 года. Лишь 13% респондентов выступили за образование общего государства с единым руководством, а

10% – за вхождение белорусской республики в состав России. Большинство интересуется плотное экономическое партнерство, но не более того. Аполитичная позиция сограждан хорошо заметна по соцсетям и на фоне августовского кризиса. Доминирует непонимание: зачем нам Беларусь? Попробуем объяснить.

Четверть века назад наша передняя линия обороны на западе проходила через Восточную Германию, Чехословакию, Югославию, Болгарию (см. карту). Расстояние до советской границы составляло 500–800 км (см. «Исключение исключительности», «Эксперт» № 35 за 2014 год). После развала Советского Союза и расползания НАТО на восток глубина театра военных действий была потеряна. В дальнейшем дуга безопасности проходила по линии Калининградская область – Беларусь – Приднестровье – Севастополь. В 2014 году последовало болезненное геополитическое поражение: мы потеряли Украину, но, к счастью, сохранили Крым. Появилась брешь, которую уже заполняют западные силовики. Потеря Беларуси расширит пробоину. Что это означает на практике?

Соотношение ВВП на душу населения в Беларуси и некоторых странах с формирующимся рынком

Вроде бы войну нам никто не объявлял, однако потенциальная угроза давно не кажется мифической. Достаточно вспомнить ракетный удар США по сирийским объектам, после которого мир всерьез обсуждал перспективу российско-американского военного противостояния. Тем временем по всей территории Восточной

Европы и Прибалтики раскиданы военные базы НАТО и США, размещены объекты противоракетной обороны, регулярно проводятся учения.

«Есть такое понятие, как стратегическая глубина, стратегическое предполье, – объясняет член экспертного совета коллегии Военно-промышленной комиссии **Виктор Мураховский.** – Это пространство, которое контролируется нами или союзными силами. Оно позволяет иметь резерв времени и пространства для перегруппировки войск в случае агрессии. Стратегическая глубина обеспечила, например, отход Красной Армии в 1941 году на несколько сотен и даже тысяч километров, уводя ее из-под удара немецко-фашистских войск; отходили до Москвы, как вы помните, и до Сталинграда. Если бы стратегическая глубина была сравнима с Польшей, то понятно, что государство бы закончилось. В современной военном искусстве стратегическая глубина во многом утратила свое значение, поскольку появилось множество видов дальнобойного высокоточного оружия. Достаточно назвать ракеты средней дальности, которые позволяли перекрывать всю территорию, например, Западной Европы, а с территории ФРГ доставали до рубежа Москвы. Натовские базы располагаются в Эстонии на аэродроме Эмари на расстоянии пятнадцати минут полета тактической авиации до Санкт-Петербурга, до Пскова вообще пять минут».

Но есть и контраргумент. Использовать ракеты и провоцировать ядерный конфликт пока никто в мире не решается. Зато в моде конфликты гибридные, партизанские, приграничные провокации, использование прокси-войск из местного населения и так далее. Здесь контроль территории, своей и союзнической, имеет принципиальное стратегическое значение для сохранения операционной безопасности. Если на минутку представить, что Беларусь вступит в НАТО, то мы получим откровенно русофобскую восточноевропейскую дугу во главе с Польшей со всеми прелестями гибридной пропагандистской провокативной войны уже в западных областях России. Особенно это опасно для Калининграда, который вообще окажется в блокаде.

После звездных 2000-х следующее десятилетие для Белоруссии, России и Украины оказалось провальным

Эксперты ценят военное сотрудничество с белорусами в рамках как ОДКБ, так и Союзного государства. Проводятся совместные учения различных видов и родов войск, боевые стрельбы и пуски, летчики и пэвзошники Беларуси готовятся на российских полигонах. Соседи получают военную технику по внутрироссийским ценам. Эта стратегическая интеграция важна для коллективной обороны. Есть в Беларуси и два военных объекта, которые используются в нашей оборонительной системе. Это станция предупреждения о ракетном нападении и узел связи Военно-морского флота на сверхдлинных волнах. Но значимость этих объектов не критичная – на российской территории есть аналоги.

«Очень важно для нас взаимодействие с оборонно-промышленным комплексом, – продолжает Виктор Мураховский. – Это продукция Минского завода колесных тягачей, которая широко используется в ракетных войсках стратегического назначения. На ней базируются мобильные подвижные грунтовые комплексы типа “Ярс”, типа “Тополь-М”. Еще Беларусь поставляет большое количество радиоэлектронных изделий и конечных изделий в виде ночных прицелов, основанных на современных технологиях с охлаждаемой матрицей в виде многофункциональных дисплеев, комплектующих для радиоэлектроники, для средств радиоэлектронной борьбы, для средств связи, для радиолокаторов и так далее. В целом можно сказать, что белорус-

ская военная промышленность живет за счет российского гособоронзаказа. Заместить их продукцию мы, конечно, сможем, но это потребует значительных ресурсов и времени, как и в случае с Украиной».

«Своя-чужая» экономика

Другой стратегический фронт взаимоотношений с Беларусью лежит в плоскости экономики. В российском аналитическом дискурсе принято относиться к белорусской экономической модели чуть свысока: что-то вы, чумазенькие, недолиберализовали свою экономику, недоотпустили на вольные хлеба обменный курс, промышленность свою пичкаете кредитами на не вполне рыночных принципах, явными и скрытыми дотациями накачиваете свой АПК, демпингуете на мировом рынке удобрений, граница с Таможенным союзом ЕАЭС у вас, как бы это помягче сказать, полупрозрачная. Нехорошо-с!

Между тем нельзя не признать очевидных успехов белорусской экономической машины. Постсоветский трансформационный спад у соседей был менее глубоким, чем в России (по ВВП – 35% против 43%), и менее протяженным во времени (пять лет вместо девяти). Отказ от тотальной приватизации производственных активов, сохранение командных высот в экономике у государства вкупе с кредитно-эмиссионной накачкой оборотных средств позволили не развалить важнейшие звенья советской производственной системы. И даже добиться их эффективного развития. Стратегия была проста и безотказна: технологии – с Запада, готовая продукция – на Восток, в Россию и СНГ.

Здесь ключевую роль сыграл договор о Таможенном союзе, инициированный Лукашенко на заре своего президентства, в 1996 году, и открывший беспрошленный ввоз белорусской продукции в Россию (как и свободный экспорт рабочей силы). Одной пицквы Беларусь поставляет сегодня в Россию на кругленькую сумму два миллиарда долларов в год (это не считая «серого» ввоза санкционной продукции из Европы). Полесское молоко, масло, творог, сало, мясные деликатесы прочно обосновались на полках российских магазинов вплоть до Урала.

Разрыв в средней долларовой зарплате в России и Белоруссии за последние 10 лет несколько сократился

Сегодня в Ставрополе каждый десятый комбайн – из Беларуси, а 60% тракторного парка представлены брендом «Беларус» производства Минского тракторного завода. А где же его российские конкуренты? Красноярский комбайновый завод, Владимирский, Липецкий тракторные, ау? Давно почили в бозе. Находящийся по соседству «Ростсельмаш» наращивает производство и конкурентные позиции, но по цене и качеству с «Беларусом» состязаться непросто. Тем более что обстоятельные «партизаны» давно обзавелись своими дилерскими центрами, ремонтными базами и прочей сервисной инфраструктурой. Грузовики и тягачи МАЗа и МЗСТ давно и плотно вышли на российский рынок, составляя конкуренцию «КамАЗам» и китайской технике. Ну и ни один серьезный угольный либо рудный карьер на постсоветских просторах нельзя представить без уникальных крупнотоннажных самосвалов «БелАЗ». Кстати, россияне весьма преуспели в поставках комплектующих и компонентов для МАЗа и БелАЗа.

В то же время при организации новых конечных машиностроительных производств белорусы предпочитают иметь в качестве партнеров европейцев. Так, в 2012 году в Фаниполе под Минском заработал сборочный завод «Штадлер Минск», подразделение швейцарской Stadler Rail Group. Сегодня именно это предприятие (а не заводы российского Трансмашхолдинга) поставляет составы для минского метро, трамваи в Санкт-Петербург и Восточную Европу, а также двухэтажные поезда для московского «Аэроэкспресса».

Есть у соседей и традиционные производства, ориентированные на «несоветские» рынки. Это два нефтеперерабатывающих завода, «сидящих» на российском сырье, и «Беларуськалий» – один из крупнейших поставщиков калийных удобрений на мировой рынок. Нельзя не упомянуть и гринфилд-экспортную отрасль – ИТ, представленную преимущественно хорошо обученными и небесталанными индивидами и мелкими фирмами.

С 2008 г. белорусский рубль обесценился по отношению к доллару в 10 раз, российский рубль – менее чем втрое

«Ключевым фактором успеха экономических властей Беларуси является удачное использование конкурентных преимуществ, доставшихся от Советского Союза, – говорит заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН **Александр Широков**. – Это конкурентоспособные машиностроительные мощности, современные по меркам постсоветского пространства предприятия в нефтепереработке и производстве удобрений, возможности аграрного сектора, отсутствие в структуре промышленности значимой доли энергоемких производств, а также транзитные возможности. Практически по всем этим позициям страна не только смогла использовать имевшиеся преимущества, но и наращивала их потенциал».

Давайте теперь конвертируем эту лирику в цифры. ВВП на душу населения в расчете по паритету покупательной способности в Беларуси с 1995 по 2019 год вырос, по оценке Всемирного банка, в 3,3 раза – с 5,8 тыс. до 19,1 тыс. долларов. За этот же период российский показатель вырос чуть более чем в два раза – с 13,3 тыс. до

27 тыс. долларов. Таким образом, разрыв с Россией по уровню богатства за прошедшие четверть века заметно сократился – с 2,3 раза примерно до 30%. Кстати, почти такой же разрыв наблюдается у нас и по средней долларовой зарплате. Разрыв с Польшей по душевому доходу у Беларуси тоже сократился с середины 1990-х – был двукратным, уменьшился до 40%. Китай все еще отстает: душевой доход в КНР составляет сегодня 85% белорусского (правда, в 1995 году он достигал лишь 40%). Ну, а Украина просто лежит на лопатках: если в середине 1990-х душевой ВВП южного соседа превышал белорусский на треть, то сегодня на треть до него недотягивает.

Конечно, было бы неразумно впасть в противоположную крайность – из сказанного вовсе не следует, что своеобразная модель «корпорации Беларусь» работает как часы и поступательно нагоняет не только восточных, но и западных соседей. Прежде всего феноменальные темпы роста белорусской экономики – это уже глубокое прошлое. Малая открытая экономика (экспорт и импорт в Беларуси превышают 60% ВВП) может быстро расти, только когда быстро расширяется главный экспортный рынок. Поэтому потерянное в смысле экономического роста последнее десятилетие в России резко тормознуло и белорусскую хозяйственную машину: среднегодовые темпы роста душевого ВВП в 2010–2019 годах в наших странах практически эквивалентны и составляют скромные 1,7–1,8%. Попытка прищипорить экспорт бесконечными девальвациями (белорусский рубль подешевел к доллару с 2008 года в десять (!) раз, тогда как российский рубль «всего» втрое) приносила относительные плюсы: отрицательное сальдо платежного баланса несколько уменьшилось, но побочные эффекты в виде инфляционных всплесков и провалов жизненного уровня белорусов были весьма болезненными. И это при наличии значительного дотирования Беларуси со стороны России.

На этом пункте рассуждений хотелось бы остановиться чуть подробнее. Никаких прямых трансфертов из бюджета России в бюджет Беларуси никогда не было и нет. Речь идет о поддержании отличных от мировых цен в российских поставках нефти и газа. Белорусские экономисты,

в частности президент минского Научно-исследовательского центра Мизеса **Ярослав Романчук**, предпочитают именовать это не дотацией, а интеграционным грантом.

Доцент департамента международных отношений НИУ ВШЭ **Андрей Суздальцев** оценивает общую сумму дотирования Республики Беларусь со стороны России за последние двадцать лет в 133 млрд долларов, включая ценовые субсидии, преференции и списания кредитов. По оценке Романчука, интеграционный грант в сфере энергетики на протяжении последних пятнадцати лет составлял 12% ВВП Беларуси: «Это гигантская сумма, три четверти которой приходилось на поставки нефти и нефтепродуктов. В 2020 году грант обнулится вследствие глубокого падения мировых цен на нефть, и это идеальное время для перехода на мировые цены в поставках».

«Проблема текущей модели белорусской экономики в том, что в ней нет инвестиций, – считает Александр Широков из ИНП РАН. – Так можно было развиваться десять-пятнадцать лет назад, но сейчас производственные мощности требуют обновления. При этом очевидно, что внутри республики средств для модернизации крупных предприятий нет. Явные признаки пробуксовки этой модели фиксируются с 2010 года, и не случайно именно в этот период усилились предложения с российской стороны о вхождении в капитал белорусских предприятий. По-видимому, и российская сторона понимала бесперспективность субсидирования экономики, исчерпавшей потенциал качественного роста».

По большому счету белорусская экономика находится сегодня на развилке. Один сценарий – привлечение внешних инвесторов для сохранения существующей производственной специализации, но проведения ее качественной модернизации на основе наилучших доступных, в том числе цифровых, технологий. Вторая – структурная перестройка с выбраковкой неконкурентоспособных предприятий.

Первый сценарий можно условно назвать «союзным», ведь единственным внешним инвестором, которому интересно сохранить широкий спектр белорусской промышленности, является Россия.

Второй сценарий, с рабочим названием «прозападный», предполагает политику открытых дверей для европейского капитала. «Можно рассчитывать на то, что часть предприятий сумеет встроиться в производственные цепочки, ориентированные на поставки продукции как в ЕАЭС, так и в Европу, но вряд ли удастся сохранить ядро крупных предприятий, ориентированных на поставку машиностроительной продукции в Россию, а также текущее состояние агропродовольственного комплекса, – прогнозирует Александр Широв. – Некоторые эксперты рассчитывают на помощь Китая, но вряд ли он заинтересован в сохранении всей белорусской промышленности».

Разрушение специфической экономической модели лукашенковской Беларуси, превращение ее в маленькую рыночную экономику грозит новыми внутривнутриполитическими потрясениями, усложнением для РФ удержания соседа в своей орбите.

Весьма важен проект Островецкой АЭС, построенной в Беларуси «Росатомом», промышленный запуск которой состоится в будущем го-

ду. Россия получила загрузку машиностроительных и специализированных строительных мощностей. Беларусь – источник относительно дешевого и надежного снабжения энергией со значительным экспортным потенциалом.

Принципиально важна будущая позиция Белоруссии относительно развития интеграции в формате ЕАЭС. Если страна предпочтет сближение с ЕС в ущерб отношениям с Россией и другими странами ЕАЭС, вряд ли можно будет говорить о каком-то существенном вхождении россиян в капитал белорусских банков и предприятий. По сути, это будет украинский сценарий, пусть и не столь драматичный. Если же отношения в рамках ЕАЭС сохранятся, то возникнет вопрос о целесообразности поддержки тех или иных производств. Безусловно, при всех вариантах развития событий значительный интерес для российского бизнеса будет представлять транзитный потенциал Беларуси и связанные с его поддержанием транспортные и логистические компании.

**Петр Скоробогатый,
Александр Ивантер**

Линии стратегической обороны России. 2020 год